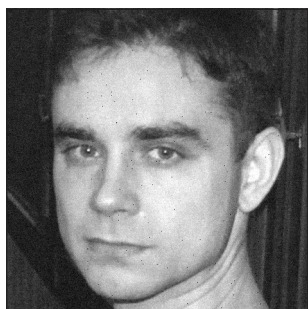

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА НЕСТАНДАРТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ¹

А.Ю. АНТОНОВСКИЙ

В статье приводятся причины парадокса «знания неизвестной истины» Э. Геттиера, являющегося следствием классического определения знания как обоснованного, истинного полагания (верования, убеждения); выявляются парадоксы, вытекающие из новых определений знания; рассматриваются попытки преодоления этих парадоксов в рамках доктрины семантического контекстуализма. Вводится понятие когнитивных стандартов наблюдателя как базиса для эпистемологического скепсиса.

Ключевые слова: контекстуализм, семантика, проблема Геттиера, природа знания.

1. Парадоксы Геттиера и попытки их разрешения: нестандартное определение знания

Стандартное представление о знании как сумме компонентов, складывающейся из убежденности в нем, в его

¹ Статья написана при финансовой поддержке фондов РФФИ, проект № 09-06-00023а, и РГНФ, проект № 08-03-0239а.

обоснованности и истинности, было полностью разрушено молодым и малопубликующимся ученым, который и сам, как считается, не осознавал значения своей двухстраничной работы. Суть этого исследования не являлась чем-то особенно новым, а лишь указывала на возможность формулировать случайно-истинные предложения и формировать соответствующие (кажущиеся обоснованными) убеждения на основе ложных посылок. В результате возникал парадокс «знания неизвестных истин».

Вслед за этим тотчас последовали новые определения знания, добавлявшие к данному понятию новые признаки, сужая тем самым его объем – выводя из-под этого понятия случаи Геттиера. Но следовал новый парадокс в стиле Геттиера, ставивший под вопрос и это новое определение.

Остановимся на одном из предложенных парадоксов. Смит надеется получить новую должность, но отлично знает, что начальство благоволит к его конкуренту на эту должность – Джонсу. При этом Смиуту известно, что у Джонса в кармане лежит 10-центовая монета. Отсюда он делает несложный, но, главное, *обоснованный и убедительный* вывод: «Должность получит тот, у кого в кармане 10 центов». И этот вывод оказывается истинным. Человек с 10 центами действительно получает должность. Но только этим человеком оказывается не Джонс, а сам Смит, у которого в кармане тоже обнаруживается 10 центов.

Итак, Смит приходит к обоснованному и истинному убеждению, которого он в сущности *не знает*. Потому что под человеком с 10 центами он подразумевает Джонса, а вовсе не себя. Так обнаруживается утверждение, не являющееся знанием, но отвечающее, однако, всем трем указанным признакам.

Как объяснить появление такого рода фактически неизвестных сообщающему, но истинных и обоснованных убеждений или предложений? Наблюдаемый мир оказался не совсем таким, как его описывал Смит, и поэтому его высказывание не является знанием. Но число возможностей (или возможных миров) у мира «выпадать»² таким или иным способом оказывается в данном случае ограниченным настолько, что даже ресурс незначительно языкового обобщения³ оказывается достаточным, чтобы (случайно) включить в том числе и неожиданные ситуации, никак не подразумевавшиеся высказывающим.

² Я пользуюсь выражением Витгенштейна, которое мне кажется очень удачным. Мир есть все, что «выпадает» (Die Welt ist alles, was der Fall ist) таким или иным способом: как подброшенная вверх монета «выпадает» орлом или решкой. Мир *ограничен* двумя логическими (языковыми) возможностями – быть таким или другим, но фактически он в каждом случае *уже* этих возможностей.

³ И Смит очевидно делает – пусть и неправомерное – обобщение, отвлекаясь от конкретного лица, получающего должность.

Возможности мира быть таким или другим оказываются существенно ограниченными языком, и лишь внутри этих возможностей мир может быть таким или другим, давать работу Джонсу или Сми-ту⁴. Истинность предложения еще не гарантирует его (определяемую самим внешним миром, а не возможностью языка угадывать истину) известность. Требовался учет внешнего фактора (внешнего мира). Ведь последний хотя и ограничен языком (и именно *поэтому* всегда может случайно «совпасть» с предложениями о нем), но все-таки имеет внутреннюю автономию если не от границ языка, то от конкретных предложений по поводу обстоятельств этого мира.

Повторюсь: именно ограниченность мира языком создавала возможность случайных совпадений относительно произвольно формулируемых языковых выражений с истинными положениями дел, хотя (почти) ничего в самом мире к этим предложениям *фактически* (или каузально) не подводило.

Исходя из этого задача нового определения знания подразумевала включение *нового признака знания*, который бы исключил те возможные ситуации, в которых язык уже благодаря своей «пророческой силе» без видимых на то оснований случайно «угадывает» фактические положения вещей.

Итак, задача нового определения знания состояла бы в том, чтобы учесть внешние факторы, т.е. те ситуации, где предложение о мире лишь случайным образом совпадает с тем, как обстоят дела в этом мире. Истинность предложения не должна была быть случайной, а значит, внешний мир должен как-то *воздействовать* на предложение, приводить к тому, чтобы структура предложения отвечала структуре описываемого обстоятельства – и именно в силу этого воздействия, а не случайным образом. Внешний мир должен был «генерировать» знания, и этот процесс генерации должен был бы, по мысли теоретиков, войти и в само определение знания.

По этому пути пошел Э. Голдман, связав процесс генерации знания с каузальными – материальными – процессами переноса неких внешних обстоятельств на свойства предложения – скажем, через фактическое восприятие, подразумевающее причинные ряды, цепь причинно связанных событий, ведущих от события во внешнем мире, через физические и физиологические процессы к конечному форму-

⁴ Очевидно и то, что понятие *знания* («знает, что...») оказывается ненасыщенной двухместной функцией в смысле Г. Фреге, т.е. оно должно в качестве аргументов включать не только свой контент («Джонс получит работу»), но и самого знающего, и соответственно выглядеть примерно так: Знает (X,Y). Свой полный смысл (= «насыщение») это понятие или двухместная функция получает, если определено не только знание, но и знающий. Парадокс появляется только тогда, когда мы сравниваем знание Смита (X) и знание *некоего более осведомленного наблюдателя*, который знает, что «знает» Смит, и то, как действительно обстоит дело. Этим более осведомленным наблюдателем, конечно, может стать и сам Смит, но уже в следующий момент времени.

лированию высказывания. Это, однако, тотчас привело к новым парадоксам, о которых мы скажем ниже.

Первоначально же возникло искушение применить более простое и казавшееся очевидным решение: ввести в определение знания (помимо признаков *убежденности*, *истинности* и *обоснованности*) простую оговорку о том, что обоснование не должно базироваться на ложных посылках. Например, на той контрфактической посылке, что «Джонс с 10 центами получит должность», которая собственно и подводила к истинному выводу, что человек с 10 центами получит должность, но сама как посылка являлась ложной.

Соответственно знание теперь понималось как обоснованное истинное убеждение, *основанное исключительно на истинных посылках*. Однако и это новое определение, как сразу же было замечено⁵, не спасало знание от парадокса Геттиера, ведь оно касалось лишь *выводимого* знания. А как же быть со знанием, формулирующимся непосредственно – уже в силу факта непосредственного восприятия того или иного обстоятельства? Голдман формулирует новую редакцию парадокса Геттиера применительно к такого рода «непосредственному» знанию.

Воспроизведем пример такого парадокса в незначительно модифицированном виде. На Садовой-Спасской улице Кира обращает внимание на старинный дом XIX в. и формулирует соответствующее суждение: «Дом 12 по Садовой-Спасской является старинным». Данное высказывание не является выводимым и поэтому полностью соответствует новому «нестандартному определению» знания, ведь оно не вытекает из каких бы то ни было (в том числе ложных) посылок. Но является ли оно знанием? В соответствии со стандартным определением это зависит от того, является ли оно *истинным* и *убедительно-обоснованным*. Допустим, все три признака действительно имеют место. Но предположим, что все *остальные* старинные здания на Садовой-Спасской улице давно снесены и заменены новоделами со стилизованными под старину фасадами.

В этом случае суждение Киры – фактически безусловно истинное – знанием как раз и не является. Ведь и в данном случае мы сталкиваемся с совершенно случайным утверждением, которое фактически никак не обосновано. Его обоснование, а именно тот факт, что оно *выглядит старинным*, таким обоснованием (во всяком случае применительно к Садовой-Спасской улице в целом) служить как раз и не должно. Поскольку старинный экстерьер как раз и не может служить обоснованием применительно ко всем *остальным* случаям на данной улице: прочим «домам-новоделам» со стилизованными под старину фасадами.

⁵ Goldmann A. Discrimination and Perceptual Knowledge // The Journal of Philosophy. 1976. № 3. P. 771–791.

Нестандартное определение знания (исключение неистинных посылок) оказалось не в силах предотвратить появление соответствующих ему контрфактических случаев: убедительных, истинных, обоснованных – и при всем этом не являющихся знанием – предложений. Такое добавление к знанию четвертого признака подразумевало, что данный признак (выводимости из непременно истинных посылок) будет относиться к самому предложению или высказыванию, но не к контексту высказывания (прочим домам на Садовой-Спасской). Итак, проблема обоснованности высказывания теперь вытекала из его контекста.

Поэтому следующее (*постнестандартное*) определение знания потребовало добавления к его понятию признаков, относящихся не к *самому* формулируемому высказыванию, а к контексту этого высказывания, к внешнему миру, который теперь понимался как порождающий знание фактор. Ведь в примере с Кирой не ее высказывание и даже не его референция (конкретно воспринимаемый Кирой дом) – но именно все прочие дома на Садовой-Спасской, которые никак в высказывании не реферировались, выступили решающим фактором, определившим эпистемологический статус данного высказывания Киры.

Применительно к определению знания это указывало на требование, чтобы в него каким-то образом каждый раз встраивались иные возможности наблюдения, иные перспективы: должны были учитываться *возможности ошибиться* в отношении *совсем других объектов* (прочих домов – в нашем примере). Другими словами, приниматься во внимание должны были контрфактические ситуации в некоторых других возможных мирах, которых само высказывание-под-вопросом непосредственно не касалось.

Но такое – возможное – наблюдение других домов вполне могло бы осуществиться, и высказывание, которое из него вытекало, должно было бы допускать сравнение с анализируемым высказыванием Киры. Только такое сопоставление актуального высказывания с высказываниями лишь возможными, и их конвергенция (на предмет общего значения – истинности) делали бы актуальное высказывание знанием. Если бы истинными были произнесенные Кирой (или любым другим наблюдателем) высказывания о домах от 1 до 11, зафиксировано их общее значение (истинности), тогда бы и актуально-высказанное предложение Киры было бы знанием. Здесь мы впервые сталкиваемся с тем, что ниже будет обозначено как «семантический контекстуализм».

И конечно, возникало искушение предложить такое определение, которое бы учло все эти иные когнитивные перспективы наблюдения и вытекающие из них прочие контекстуально-определенные возможности заблуждения. Но чье тогда это было бы знание? Конкретного человека Киры или все-таки некоторого всеведущего трансцендентального субъекта, способного взглянуть сразу на все возможные объекты одновременно со всех возможных точек зрения?

2. Постнестандартные определения знания

В примерах Геттиера речь всегда о наблюдателе, представляющем собой некое неполноценное, ограниченное существо. Оно всегда ощущает некоторый недостаток информации и хотя и произносит истинные высказывания, но обладай оно большей информацией, от данного высказывания оно, возможно бы, и воздержалось. И именно из констатации этого несовершенства наблюдателя проистекает возможность подправить определение знания через учетывание информационного дефицита ограниченного в своих возможностях человека – как конечного наблюдателя, осуществляющего восприятие из конкретной пространственно-временной позиции.

Чтобы учесть все возможные коррекции ввиду притока новой информации, понятие знания попробовали дополнить признаком «неоспоримости» (indefeasible knowledge)⁶, а значит – включить в определение фактор времени (вспомним, что уже Платон в «Меноне» указывал на необходимый для знания признак *стабильности*), тем самым исключив в будущем возможности появления контрфактических наблюдений. Должно быть известно, что данная позиция наблюдения – есть *вечная и локально-оптимальная*, т.е. не требует уточнения или коррекции с других пространственно-временных позиций наблюдения (т.е. лучше информированных или лучше расположенных наблюдателей).

3. Признак неоспоримости знания

Итак, отныне под знанием понимается истинное, обоснованное, *неоспоримое* убеждение. Это новое условие исключало знание Смита о том, что человек с 10 центами получит должность, поскольку одна из посылок «Должность получит Джонс» могла – не важно, изначально или впоследствии – быть оспоренной. Другими словами, существовал лучше информированный наблюдатель, который знал, что Смит был не прав в отношении Джонса, и мог бы его при случае разубедить. И в случае Киры, конечно же, имелись наблюдатели, которые прекрасно знали, что «старинные экстерьеры» Садовой-Спасской – всего лишь видимость и стилизация.

Казалось бы, проблема определения знания решена! Однако не заставили себя долго ждать новые «геттиеровидные» примеры, т.е. примеры очевидного незнания, всецело подпадающие под предложенное определение знания. Так, требование учета чужих когнитив-

⁶ Lehrer K. Theory of Knowledge. L., 1990.

ных перспектив могло выполняться, а знание при этом все-таки продолжало отсутствовать. Приведем соответствующий пример.

Предположим, я оказался свидетелем кражи Андреем книги из магазина «Фаланстер». Я формулирую соответствующее предложение (обоснованное убедительное истинное высказывание). Однако существует и в свою очередь делает высказывание другой, по определению более информированный наблюдатель, имеющий по определению лучшие позиции наблюдения, а именно Алиса, девушка Андрея, которая утверждает, что Андрей в данное время находится в Краснодаре, но у него есть похожий на него брат – Алексей. Мое высказывание в данном случае не является знанием, ведь я не знал и не учел лучшие возможности наблюдения (которые, безусловно, наличествовали у его девушки), и, следовательно, это мое высказывание не прошло теста на оспариваемость. И действительно, оно может быть оспорено, и аргументы моего противника выглядят весьма убедительными, учитывая мои ограниченные пространственно-временные ресурсы и перспективы, несопоставимые с возможностями другого наблюдателя – Алисы.

Но... мое высказывание «Андрей украл книгу из магазина «Фаланстер»» в действительности оказывается истинным, так как фактически именно он украл книгу, а в Краснодар уехал Алексей. Итак, я высказал истину, которая, согласно критерию неоспоримости знания, знанием как раз являться не должна. Суждение являлось оспариваемым. (Можно, конечно, добавить еще один признак знания, а именно, релевантности оспариваемости, но тогда нужно добавить и признак релевантности⁷ признаков релевантности, и в результате вновь возникает неплодотворная дурная бесконечность, требующая ответа на вопрос о том, какие позиции наблюдения считать более релевантными, а какие менее. Все это уводит от существа определения знания и делает его гораздо более громоздким.)

Выход из положения увидели в требовании указывать на *неоспоримость* уже не в отношении самого высказывания, претендующего на статус знания, а *тех оснований*, на которые опирается и из которых вытекает это высказывание. Это означает, что в нашем примере с Андреем неоспоримым должно быть вовсе не предложение «Андрей украл книгу в магазине «Фаланстер»». Критерий неоспоримости должен предъявляться к тому, что может поставить под вопрос и оспорить мое собственное предложение, а именно – к утверждению Алисы.

И в том случае, если все основания, все pro и contra моего предложения являются неоспоримыми, мое базирующееся на них утверждение оказывается неоспоримым и как следствие – знанием. Проблема

⁷ О критериях релевантности см.: Harman G. Thought. Princeton, 1973.

этого определения состоит лишь в том, что она – как уже было показано выше – требует очень многого знания. Точнее говоря, она требует как абсолютной уверенности, так и знания об этой уверенности. Фактически это требование делает из вероятного знания, которое определялось в его стандартном определении тремя признаками (убежденностью в нем, обоснованностью и истинностью) знания абсолютно достоверного. Речь идет о подмене одного знания другим знанием – истинным во всех возможных мирах.

Фактически признак неоспоримости оснований – это замаскированное требование к знанию быть достоверным на манер знания математического. Но ведь не (только) о таком знании идет речь в определении знания. Учитывая данное требование, я фактически должен опираться на истинные посылки, и мне достаточно лишь запустить процедуру логического вывода, во всех возможных мирах производящего истинные следствия. Этот признак требует знания второго порядка, а следовательно, слишком много знания: так, в примере с Кирой в соответствии с этим требованием ей необходимо знать не только содержание своего высказывания, но иметь дополнительное знание о качестве этого знания: о том, что его содержание несомненно достоверно. Поэтому и признак неоспоримости оснований знания приходится отклонять как контрабандно проводящий совсем иной тип знания.

Итак, чтобы удостовериться в том, что утверждающий что-то знает, мы должны задать ему уже как минимум два вопроса: о том, что он знает, и о том, что он знает о своем знании на предмет его когнитивного статуса (достоверно ли оно или вероятно). И здесь мы сталкиваемся с чрезвычайной громоздкостью такой процедуры предикации знания. В этом случае приходится расстаться с надеждой дать определение знанию вообще, включая знание повседневное, эмпирическое, вероятное. Речь – даже и в лучшем случае – могла бы идти о предикации научного, т.е. методологически выверенного знания, или о знании второго порядка, но для наших целей этого было бы недостаточно. Определение знания будет непротиворечивым, но неполным.

4. Каузальная связь между знанием и его содержанием как экстерналистский признак знания

Изобретатель «каузального» определения понятия знания Элвин Голдман предложил дополнить стандартные признаки *убежденности* в высказывании и его *истинности* третьим, заменив им прежний критерий обоснованности. Отныне знание – это истинное убеждение,

полученное вследствие каузального воздействия на человека некоторого внешнего обстоятельства, которое выступает в этом смысле причиной убежденности в некотором суждении, и только в случае наличия такой причинной связи содержание суждения может рассматриваться как «производитель истинности» этого суждения.

Итак, уже далеко не всякий факт, *соответствующий* высказыванию о нем, делает это истинное высказывание знанием. Применительно к парадоксам Геттиера это означает, что высказывание Смита «человек с 10 центами получит должность» имело фактическую предпосылку – реальные перспективы Джонса, скажем, мнения, которые Смит фактически *слышал* о Джонсе от начальства! Это фактическое положение дел в процессе его физиологического восприятия и перекодирования в мозге и сгенерировало в конечном счете суждение «Человек с 10 центами получит должность».

Но ведь не это фактическое обстоятельство является «производителем истины» суждения Смита! Случай Смита, а не случай Джонса производит истинность, не порождая причинным образом высказывание Смита. «Причина» или «генератор» суждения представлен совсем другими фактами, скажем, фактически воспринятыми Смитом мнениями начальства *о Джонсе*. Поскольку же «производитель истины», согласно третьему критерию знания, должен быть и ее фактически физическим генератором, высказывание Смита не может рассматриваться как знание.

В целом в подходе Голдмана мы сталкиваемся со старым сенсуализмом в новом облачении. Из знания исключаются истинные убеждения, к которым ведут «непрямые» пути, скажем, интуиция (во всех ее смыслах от Декарта и Гуссерля до Бергсона) или априорные познавательные способности безотносительно восприятия и возможных ошибок в его интерпретации. Кроме того, под вопросом оказалось знание о достоверно известных будущих событиях, если будущее не понимать как каузальный фактор. Да и сам автор отказался от нее практически сразу⁸.

Фатальным для этого подхода принято считать *неполноту* каузального определения понятия знания, поскольку оно исключает необходимо истинные убеждения, математические истины, а значит, определение знания снова оказывалось недостаточным. Необходимые истины (такие, как $5 + 7 = 12$) не нуждаются в каузальном воздействии, поскольку останутся истинными и в том возможном мире, где не будет сознания, способного их воспринять и проверить. Ведь не существует таких контрфактических ситуаций, какие имеют место в отношении любого позитивного ненecessary утверждения.

⁸ Goldman A. Op. cit.

Необходимое знание – это своего рода фрегевские «мысли», которые в каком-то смысле объективны и не нуждаются в их индивидуации через их представление в сознании. И именно поэтому они лишены «каузальной силы», навеки оставаясь заключенными в границах «требующего признания Третьего рейха»⁹.

И конечно, это представление не выдерживает проверку в случае Киры и стилизованных фасадов. Ведь в случае фактического восприятия Киры дома на Садовой-Спасской как подлинного памятника старины третий критерий знания выполняется: «производитель истинности» и «генератор причинного воздействия» совпадают, дом фактически истинностным образом соответствует своему экстерьеру и причинным образом определяет восприятие Киры. И все-таки мы не можем приписать ей знания, так как факта восприятия, генерирующего суждение об этом восприятии, оказывается недостаточно, поскольку оно не действует в отношении иных, всего лишь стилизованных под старину домов, расположенных по соседству.

5. Определение знания через контрфактические миры: надежность, достоверность, сенситивность как критерии знания

Новые определения знания требовали указывать на некий гарант (warrant¹⁰), выступающий «производителем знания» – по аналогии с «производителем истины» («truth-maker») в корреспондентской теории истины. Должно было бы существовать некое обстоятельство во внешнем мире знания, которое, само не являясь знанием, словно гарантировало бы, что некоторое высказывание является знанием.

Слабость каузальной теории знания коренилась в кантовском представлении о пассивности субъекта, «аффицированного» (воспользуемся кантовским термином) вещью в себе. Именно объективность вещи в себе заставляла быть объективным и генерируемое ею знание. Основной парадокс, к которому приводил тезис Голдмана, состоял в следующем: мы не можем ничего знать о ключевом критерии знания – каузальности, или причинных связях между фактами и высказываниями. Потому что *само знание о каузальности как раз и*

⁹ «Третьим рейхом» Фреге называл мир объективных мыслей самих по себе или смыслов (Sinn), отличный как от мира представлений (Vorstellungen), так и от мира предметов (Bedeutungen). Этот рейх, словами Фреге, «требовал признания» наряду с сопредельными, ранее признанными сферами.

¹⁰ Plantinga A. Warrant: The Current Debate. Oxford University, 1993.

не подпадает под его собственный критерий каузальности: сам факт причинности уже ничем не причиняется, причинность просто существует, связывая прошлые и будущие события, явления-причины с явлениями-следствиями¹¹. Именно этот внешне неопределенный (т.е. не допускающий локализации в самом внешнем мире) статус причинения оказался фатальным для каузальной концепции Голдмана.

Итак, спустя 200 лет после Канта история о связи каузальности и познания повторилась с абсолютной точностью. Единственной понятной возможностью было бы отказаться от тезиса о пассивности «аффицированного» «вещью в себе» субъекта познания (как это в противовес Канту предложил Фихте, но прежде – Соломон Маймон) и признать его активность в конструировании своего собственного познания. Не фактическое положение дел должно было становиться причиной высказывания о нем, но само высказывание должно было бы указывать на наличие какого-то внешнего обстоятельства (индикатора), гарантирующего то, что это убеждение является знанием. В результате такого подхода появилась теория «надежности знания», или «релиабилизм», подразумевающая наличие в самом знании метода (индикатора или инструмента) определения степеней надежности истинности этого знания.

Применительно к парадоксу Геттиера это означает следующее. Вывод Смита, базирующийся на его представлении о перспективах Джонса, выглядит крайне ненадежным именно *методологически* и вполне мог бы оказаться ложным. Достаточно помыслить себе некоторую чрезвычайно вероятную возможность (= «ближайший возможный мир»), при которой у Смита *всего лишь* не оказалось бы в кармане этих 10 центов.

И в случае Киры ее утверждение о доме № 12 по Садовой-Спаской выглядит случайным, ведь уже самый ближайший возможный мир мог бы включать в себя все наличные обстоятельства (и почти не отличаться от мира реального), но при этом высказывание Киры

¹¹ Кант, конечно, признавал слабость своей доктрины, с одной стороны, признающей априорность и, следовательно, лишь трансцендентальный характер каузальных отношений, а с другой стороны, распространявшей их действие и за пределы границ возможностей человеческого познания – в мир вещей в себе. Но он предпочитал оставить противоречие в своих определениях познавательных способностей, чем признать идеалистичность своего подхода. Голдман в сущности сталкивается с той же проблемой – вводит параметр каузальности – «аффицирование миром вещей мира высказываний» – как критерия знания о внешнем мире. Но, выводя каузальность за пределы самого знания, он исключает тем самым из знания априорные и необходимые утверждения, как раз и не нуждающиеся в каузальности как своем критерии. Ведь само утверждение о каузальности и знание о каузальности, очевидно, не требуют подтверждения эмпирическим материалом, так как они представляют собой универсальные суждения и не могут опираться на – всегда остающееся вероятным – знание о взаимодействии вещей во внешнем мире. Итак: знание о каузальности есть знание необходимое и не поддающееся под понятие знания, которое через этот критерий каузальности только и образуется.

имело бы своим референтом дом № 10. И в этом ближайшем возможном мире ее высказывание уже не было бы случайно истинным, поскольку оно вообще было бы ложным.

Итак, новое определение знания должно указывать на некий внешний индикатор, который гарантирует надежный характер знания и тем самым исключает парадоксы случайно высказанной истинности.

Что же должно служить таким внешним гарантом или индикатором? Приведем пример: предположим, Александр отчетливо видит перед собой лицо своей жены и делает соответствующий вывод: «Вот моя жена». Выступает ли здесь внешним индикатором истинности суждения и надежности знания само его восприятие? Если мы воспользуемся указанным выше методом, то такое восприятие не является абсолютным инструментом экспликации истинности и признания утверждения знанием, поскольку мыслимы возможные миры, в которых наличествовало бы и это восприятие, и суждение, но последнее оказывалось бы ложным, так как перед Александром фактически находился другой (очень похожий) человек, или же это восприятие было импортировано в его сознание «циничным естествоиспытателем». Это имело бы место, скажем, в уже ставшей почти бытовой ситуации «мозги в бочке» (Х. Патнэм). Означает ли это, что индикатор восприятия должен быть исключен из гарантов надежности? Вовсе нет. Он лишь не является гарантом несомненной надежности знания (но нам ведь этого и не надо – мы ищем определение знания).

В зависимости от того, каким образом представлять себе эти возможные миры или возможные ситуации, можно выделить несколько типов гарантов истинности убеждений и соответственно – критериев знания. Речь может идти о несомненном, сенситивном, надежном знании. Рассмотрим все случаи по порядку.

Убеждение является *несомненным* знанием, если можно гарантированно утверждать, что не существует ни *одной* возможной ситуации, в которой это высказывание было бы аналогичным образом сформулировано, но при этом оказалось бы ложным. Это очень сильный критерий, и он может быть отнесен, как правило, лишь к необходимому математическому знанию. Во всех же остальных случаях достаточно критерия восприятия, который также допускает интерпретацию с точки зрения возможных миров.

Высказывание является *сенситивным* (т.е. восприимчивым и к другим возможным ситуациям) знанием тогда, когда в каком-то ином, но похожем возможном мире условия его возникновения (допустим, восприятие) не имели бы места и само это высказывание было бы ложным. Иначе говоря, убеждение является знанием, *если оно сенситивно, или восприимчиво, не только к объекту своего восприятия, но и к другим возможностям, где имеет место контрфакти-*

ческая ситуация. Однако речь здесь идет об ограниченной дискриминации ситуаций, ведь учитываются только похожие контрфактические возможные миры, где отсутствует – обозначенное в высказывании – положение дел. Но как ограничить список возможных ситуаций, которые должны быть учтены при осуществлении высказывания?

В список похожих жизненных миров Александра входит контрфактическая ситуация, где убеждение было бы ложным, если бы эта ситуация действительно реализовалась. Если жена Александра имеет абсолютного двойника, то была бы возможна ситуация, где Александр имел бы восприятие, идентичное его восприятию жены. Но его утверждение было бы в этом случае ложным. В этом случае и его истинное утверждение в отношении воспринимаемой им жены знанием бы не являлось. Вопрос в том, может ли в таком случае его истинное убеждение все-таки и при наличии такой возможной контрфактической ситуации претендовать на статус знания?

В этом случае можно ввести понятие *надежного* знания. Это такое знание, где твердо известно, что отсутствуют *релевантные* контрфактические возможные миры, в которых условие формулирования высказывания (восприятие) было бы точно таким же, а высказывание оказалось бы ложным.

Предельным случаем надежного знания было бы достоверное знание, где исключены абсолютно все контрфактические миры, а не только релевантные и вероятные. В том числе кажущийся невероятным контрфактический мир злого демона или циничного естествоиспытателя, проецирующего искусственно созданный образ в мозг высказывающего, находящегося в питательном растворе. *Если включить эту невероятную и нерелевантную контрфактическую ситуацию в список возможных миров, то суждение по поводу любого переживаемого восприятия уже не будет являться (абсолютно достоверным) знанием.*

6. Социальность знания и истины, социальная дифференциация и когнитивные стандарты наблюдателя

Мы подошли к ключевому вопросу этой части исследования. То, является ли то или иное суждение знанием, всегда зависит от того, какой список контрфактических возможных миров высказывающий (или сообщество, для которого это высказывание предназначено) считает релевантным.

Проблема при таком понимании знания состоит в неопределенности (с точки зрения этого понятия) того, какие возможные контрфактические ситуации принимать во внимание, а какие нет. Должна быть решена *проблема релевантности контрфактических ситуаций*. Должны ли мы всегда учитывать ситуацию «злого демона» и расплачиваться за это непреодолимым скептицизмом в отношении достоверности знания? И в случае Киры сколько домов должно быть действительно старинными (а не новоделами) в окружении дома № 12, чтобы признать знанием ее фактически истинное суждение в отношении самого этого дома? Достаточно ли 95 процентов, или 75? Или хотя бы больше половины?

Проблема релевантности контрфактических миров может быть решена через обращение к концепции наблюдения второго порядка к стандартам того, кто приписывает знание. Именно *когнитивные стандарты наблюдателя над наблюдателем* собственно и являются последним критерием релевантности тех или иных возможностей заблуждения, а следовательно, того, является ли истинное утверждение наблюдаемого наблюдателя знанием! Другими словами, то, что в одной системе наблюдений (скажем, в системе науки) знанием быть признано не может, в другой системе (скажем, в религиозных коммуникациях) может рассматриваться как таковое знание. В системе научных наблюдений религиозные предложения не являются знанием, поскольку – с точки зрения научных перспектив наблюдения – религиозные предложения не учитывают контрфактические ситуации или возможные миры, где «наличествуют» чудеса и священные тексты, но отсутствует их сигнификат (например, самое большое существо в смысле Ансельма или самое совершенное существо с точки зрения Декарта). С точки зрения же самих религиозных наблюдений второго порядка (теология) таковые контрфактические ситуации могут быть исключены как нерелевантные. Ведь есть священные тексты, чудеса, которые исключают таковые возможности. Другими словами, наука вовсе не утверждает о том, что Бога в действительности не существует. Для этого у нее нет достаточных оснований. Да это и не является ее целью. Ее утверждение состоит в том, что религиозные предложения не являются знанием с точки зрения науки. Поскольку если бы Бога не было (возможная контрфактическая ситуация), то в специфических религиозных наблюдениях он бы, тем не менее, продолжал *существовать*, поскольку список контрфактических ситуаций не выходит за пределы и определяется верой, священными текстами и чудесами. Другими словами, в разных сообществах, в разных системах коммуникаций различаются списки релевантных контрфактических ситуаций, которые следует учитывать при осуществлении высказывания. Религиозные «суждения веры» по определению исключают контрфактический мир отсутствующего божества, при котором все

основания признавать его существование (вера, писание, чудеса, пророчества и т.д.) остаются.

Фактически ответственной за знание в этой ситуации становится *дискриминационная способность*. Наблюдатель должен уметь различать фактическую ситуацию, в которой делается утверждение о том или ином событии, которое фактически имеет место. И возможную ситуацию, где событие бы не имело места, а высказывание о нем все-таки было произведено. Наблюдатель наблюдателя должен зафиксировать в этом случае то, какое знание было бы приписано предложению в контрфактической ситуации (истина или ложь), и на этом основании судить об обоснованности в отношении фактического, пусть даже и истинного, высказывания.

В этом смысле, даже если религиозные предложения являются истинными, т.е. имеют своим референтом фактическое Высшее существо, то и в этом случае они не являются знанием. Так как возможна контрфактическая ситуация, в которой Бог отсутствует, но высказывание о нем все равно было бы произведено.

7. Возможный мир «мозги в бочке»

Как видно, ключевой проблемой определения знания и сведения его к одному понятию состоит в следующем. Задавая одно определение знания, мы выпускаем из внимания огромные массивы иных знаний, требующих иных определений и перспектив.

В этой части работы мы имели дело с двумя типами пропозиционального знания, которое должно быть охвачено одним определением. Во-первых, речь шла о знании непосредственном, данном нам через первичную и самую примитивную концептуализацию чувственных данных, т.е. о высказывании о восприятии и на основании восприятия. Во-вторых, речь шла о знании, получаемом на основе логического вывода из предложений восприятия.

Проблема объединения этого знания в одно понятие возникает, если учитывать возможные контрфактические ситуации. Покажем это на следующем примере.

Факт моего зрительного самовосприятия есть принудительное основание для первичной концептуализации, например через высказывание «я воспринимаю руку», «у меня есть рука».

Из того, что у меня действительно есть рука, логически вытекает логическое выводимое из первого факта предложение: «у меня есть рука» и, следовательно, я не являюсь «мозгом в бочке». Но каков статус этого выводимого предложения? Является ли оно знанием?

Чтобы решить этот вопрос, надо рассмотреть контрфактическую ситуацию: «я являюсь мозгом в бочке». И в этом возможном мире у меня будет точно такое же «восприятие руки». А следовательно, второе предположение не является знанием: ведь факт восприятия присутствует и в контрфактической ситуации, где высказывание «у меня есть рука» является очевидно ложным.

Мы приходим к выводу: обоснование (восприятие) является фактически необходимым, т.е. принуждающим условием для формулирования одного вида знания. Но оно оказывается фактически бесполезным для *логически вытекающего знания*.

Чтобы решить эту проблему и объединить оба типа знания, мы должны найти способы ограничить число (контрфактических) возможностей, которые мы учитываем при определении знания, – найти возможности исключить ситуацию «циничного естествоиспытателя» как *нерелевантного* контрфактического возможного мира. И тогда логическая замкнутость вытекающих друг из друга предложений и их обоснованность с точки зрения восприятия не будут исключать друг друга.

В этом случае приходится формулировать принципы релевантных и нерелевантных контрфактических ситуаций и включать их в определение знания.

8. Семантический контекстуализм как решение проблемы релевантности контрфактических ситуаций в определении знания

Рассмотрим суждения особого типа, которые принято называть индексными или индексикальными¹². Они отличны от утверждений математики, истинных в любом возможном мире, поскольку принимают истинные значения лишь применительно к определенному *времени* высказывания («Завтра будет морское сражение» истинно в отношении определенного момента – некоторого «вчера»); или применительно к тем или иным *людям* (значение высказывания «я – философ», если философом является именно автор высказывания); или относительно выделенного места в пространстве («здесь протекает

¹² См.: DeRose K. Contextualism: an Expanation and Defence // E. Sosa (ed.). The Blackwell Guide to Epistemology. 1999. P. 187–205.

река»). Истинность таких утверждений, очевидно, задается фактическим контекстом высказывания.

Чтобы решить вопрос их истинности, сначала придется определить условия истинности такого рода высказываний. То есть в указанных трех случаях требуется лишь задать пространственные, временные и личностные ограничения – ответить на вопросы контекста: где это «здесь»? Кто это «я»? Когда наступит «завтра»? Причем в каком-то смысле речь идет о перформативных высказываниях: «здесь» и «завтра» заранее (т.е. до и вне акта высказывания) не определены. Слово «я» еще ничего не говорит о том, кто является этим «Я», до того как он сделал свое высказывание. Все эти слова не имеют смысла безотносительно к самому высказыванию, но словно «переменные» получают определенность в процессе артикуляции того или иного предложения. Последнее само решает, где локализовано это «здесь» и когда наступит «завтра». Как только такое предложение произнесено – сразу возникает и его контекст (= познавательный масштаб), в котором оно будет истинным или ложным. И словно само собой определяется множество возможных миров, которые будут релевантными для того, чтобы признать это предложение знанием.

Определяя условия истинности, мы определяем и область возможных заблуждений, в том числе такие ситуации, в которых заблуждения возможны и все-таки исключаются как нерелевантные (ситуация «злого демона» и «циничного естествоиспытателя»).

Мы можем попытаться решить проблему неопределенности знания через обращение к попыткам «измерить» знание, к его количественным выражениям. Речь идет о том, что всякая атрибуция знания должна быть восприимчивой к возможному контексту, т.е. «контекстуально-сенситивной». Так, истинностное значение высказывания «эта улица длинная» зависит от контекста, в котором фактически измеряется этот параметр. В городе с короткими улицами улица длиной в километр будет длинной и высказывание будет истинным. В городе с длинными улицами, возможно, наоборот, это высказывание будет ложным. Мы, таким образом, учитываем «семантический контекст» высказывания, а значит – выбираем «когнитивный масштаб» высказывания в зависимости от того, где проводятся измерения. Условия истинности и вместе с тем условия приписывания знания и истинности варьируются вместе с контекстом.

Одно и то же высказывание («Я – преподаватель философии») является знанием и истинным не само по себе, а именно применительно к одному высказывающему и не быть таковыми применительно к другому.

Но ведь так же мы можем поступать и в отношении к проблемному высказыванию «я не являюсь мозгом в бочке». Этот когнитивный масштаб уже можно называть *социально-сенситивным*. В вопросе ат-

рибуции знания и истины приходится учитывать социальное измерение, перспективу наблюдателя, его когнитивные стандарты и масштабы. Так, «скептик», философ, согласно своим когнитивным стандартам, вполне возможно, будет учитывать «возможности заблуждения» чрезмерно тщательно, выбирать максимально широкий когнитивный масштаб измерения «знания». И именно для него оказывается релевантной контрфактическая ситуация «злого демона» или «циничного естествоиспытателя». С его точки зрения, высказывание «у меня есть рука» не является знанием.

Другой наблюдатель, прагматик, возможно, исключит такого рода широкий когнитивный масштаб как нерелевантный контекст для такого «скромного» высказывания («у меня есть рука»). В его когнитивном масштабе зрительное восприятие является фактически принуждающим признать истинность предложения «у меня есть рука» и соответственно достаточным для приписывания статуса знания в отношении этого высказывания.

Итак, обладать «знанием» в одной когнитивной перспективе не противоречит утверждению об отсутствии такого знания в другой когнитивной перспективе. Решение проблемы лежит в *социальном измерении*, в учете того обстоятельства, *кто* и *кому* приписывает знание, какие когнитивные стандарты при этом выбираются. А эти когнитивные стандарты различаются согласно тому, в какой системе наблюдений – в науке, религии, искусстве, повседневности – произносятся суждения. Речь в конечном счете идет о том очевидном факте, что любое утверждение делается из определенной позиции наблюдения, определяемой как минимум тремя факторами – кто, где и когда делает утверждение.